

МИХАИЛ АНИЩЕНКО

С НЕДОПЕТОЙ ПЕСНЕЙ НА ГУБАХ...

ЕСЕНИНУ

Пора в последнюю дорогу.
Пришла повестка — не порвёшь.
И мы уходим понемногу
Туда, где ты теперь живёшь.

Глаза прищурены до рези...
Во тьме, за линией судьбы,
Мы тоже жили в “Марсельезе”
И Русь вздымали на дыбы.

Мы тоже видели с пригорка
Погосты, храмы и кресты,
И золотой закат Нью-Йорка
Мы ненавидели, как ты.

Но снова сумрак над землёю,
Народец холоден и сер;
И свято место под петлёю
Свободным держит “Англетер”.

АНИЩЕНКО Михаил Всеволодович родился в 1950 году в Куйбышеве (ныне Самара). Окончил Литературный институт. Работал фрезеровщиком, слесарем, сантехником, сторожем, журналистом и проч. Печатался в различных московских и областных журналах. Автор трёх стихотворных сборников “Что за горами...”, “Не ровён час”, “Ласточкино поле”. Член Союза писателей России. Живёт в Самаре.

Давай, Серёжа, громко свистнем
И, в ожидании весны,
В одной петле с тобой повиснем,
Как герб утраченной страны.

* * *

Оказался прав мессия:
Гибнет русская земля.
И шепчу я от бессилья:
Где теперь моя Россия
С дальним криком журавля?

В том же платье из ситца,
С телом гибким, как лоза,
Где она? Летит, как птица,
Или, может быть, таится
В безответном слове “за”.

За рекой, за старой лодкой,
За туманами долин,
За отцовскою пилоткой,
За снегами, за решёткой,
За страданием моим.

* * *

Алтари, священники и святцы,
Тот же мрак, и та же западня.
Милые, родные святотатцы,
Хворост для церковного огня,
Это вы — пленительно и строго —
Подходили к истине святой,
Понимая Родину и Бога,
Как любовь, представшую судьбой.
Это вы взошли тысячеглаво
На ступени Вечного огня,
Удержав великую Державу
На спине у Красного Коня.
Это вы протопали столицей
В пропылённых майских сапогах
Прямо в пламя новых инквизиций,
С недопетой песней на губах.

ВЕТЕР

Один, на рассвете, с тоскою ворон,
Беснуется ветер на сорок сторон.
Играет ладами кромешной тоски
Над долгими льдами кричащей реки.
Ломает суставы промокших лесов,
Сметает заставы уснувших богов,
Он мстит и карает, клянётся в любви
И лёд отрывает, как тромбы в крови.

И вновь, без вопросов, как боль или стон,
Двенадцать матросов идут за Христом.

* * *

Обнесла меня осень наследством,
Обложила промокшей бедой.
Облетает высокое детство
Золотою и ржавой листвою.

От плеча твоего до запястья,
Как живые, бегут мураши.
Вот и мне для любви и участия
Не хватило сегодня души.

До последнего вдоха, до края
Предающей поэтов мечты,
Ходят ночи и дни, умирая,
От великой своей красоты.

Заслонившись от Божьего лика,
Не найдя ни начал, ни концов,
Я бы умер без стона и крика,
Как сумел умереть Кузнецов.

Но любимая книга святится,
И надежда из книги встаёт:
“Раздражённо скрипят половицы,
Но одна половица поёт!”

Значит, нет ни конца, ни предела!
Юра! Юра! Во имя твоё
Я опять принимаюсь за дело,
Неподкупное дело своё.

СТАЛИН

От первых страниц мироздания,
Прикрывшись Христом, как щитом,
Любые свои злодеянья
Цари освящали крестом.

Он первый соблазны отринул
И, тьму сокрушая мечом,
Христа от себя отодвинул:
“Постой, дорогой, за плечом!”

Забыли об этом живые,
А мертвое наше — мертво.
Но зло и грехи роковые,
Он взял на себя одного.

В Кремле, на коне, и на плахе
Творил он священное зло,
И тайно живет в патриархе
Колючей шинели тепло.

Сегодня попы проклинают
Былое сиянье меча...
А что они помнят и знают,
Что видели кроме плеча?

Теперь, когда гибнет столица,
В клубок завивается даль,
Я буду неслышно молиться
На эту державную сталь.

Он первый соблазны отринул,
Ломая века и уста,
Он церковь плечом отодвинул,
И церковь осталась чиста.

Сегодня он там, где и надо,
Но с Богом припомнив родство,
Он все преступления ада
Взвалил на себя одного.

А БЫЛА...

...а была одна разруха.
Свет звезды уже погас,
И неслышимо для слуха
Приближался смертный час.

Мой сосед носил бумагу
Со словами: "Всюду жуть.
Я мечтаю по ГУЛАГу,
И прошу его вернуть!"

А ещё была усталость,
Много горя и вина...
И, как печень, распадалась
Вся огромная страна.

* * *

К земному дыханью прислушайся, Боже,
Ты слышишь: хрипит обмороженный сад,
И речка бежит, как мурашки по коже,
Бежит и не может вернуться назад.

Вот так же и я — не могу и не смею,
Вздыхая в вагоне, и в лодке гребя,
Вернуться по речке, по лугу, по свею
Туда, где когда-то я верил в Тебя.

ПОЗДНО...

Поздно руки вздымать и ночами вздыхать.
Этот мир повторяет былые уроки.
Всюду лица, которым на всё наплевать,
Всюду речь, у которой чужие истоки.

Я закрою глаза, я закроюсь рукой,
Закричу в темноте Гефсиманского сада:
— Если стала Россия навеки такой,
То не надо России... Не надо... Не надо.

Перепуганный насмерть, забытый в ночи,
Посреди иудейского вечного царства,
Я пойму перед смертью: кричи не кричи,
А придётся пройти через эти мытарства.

Что ж, идите, идите к подножью Креста,
По такому знакомому следу мессии...
Было грустно, евреи, вам после Христа,
Погрустите немного и после России.